

КРОКОДИЛ

Москва.

25 февраля.

1923 г.

Национальное самоопределение.

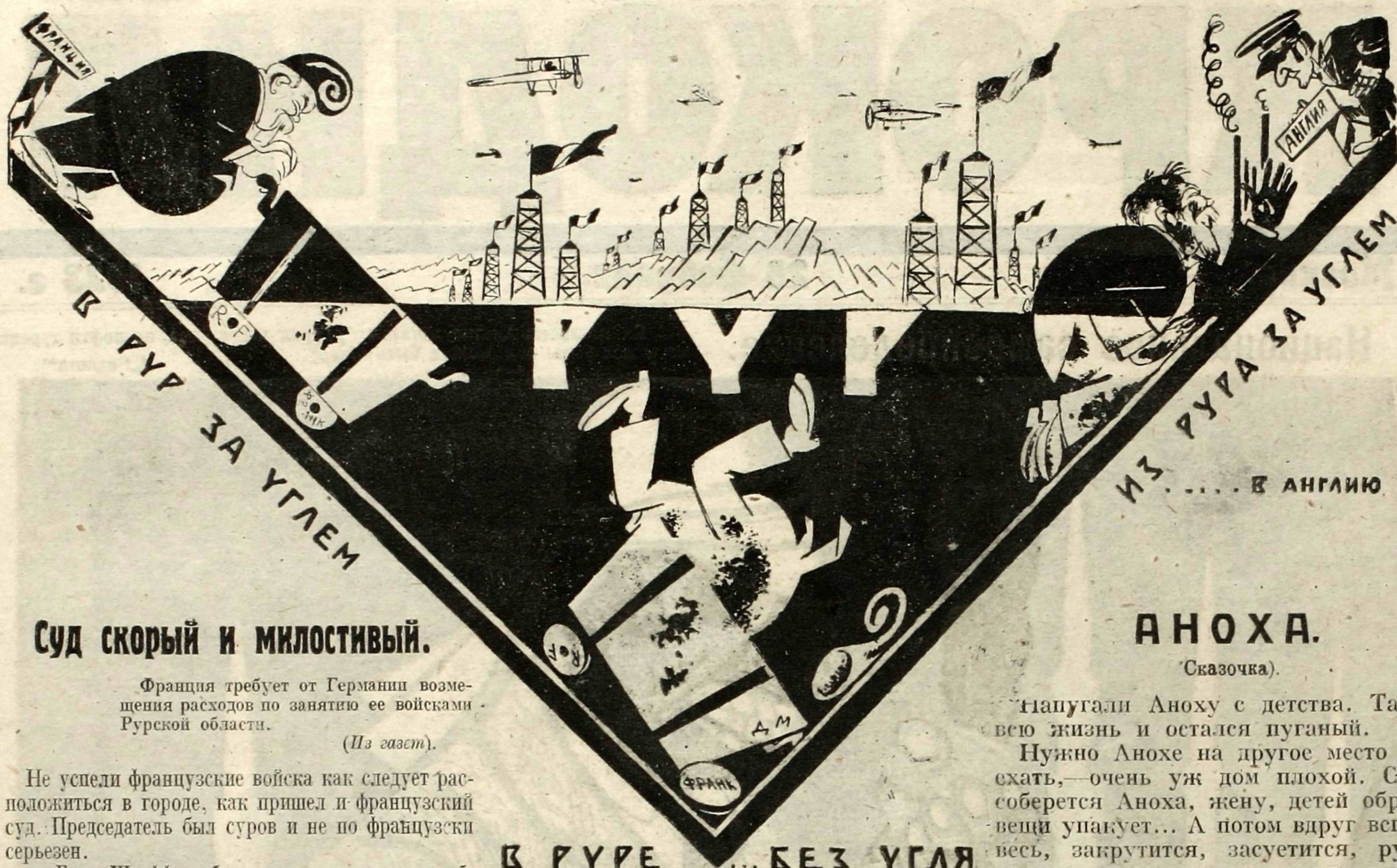
Капиталисты Англии заявляют: „Турки могут быть, но нефти турецкой не может быть: она должна быть наша.“
(„Бедвота“).

Ген. Леона Мелюш

Англичанин-буржуй: — А хорошо у нас в Турции! Мивареты турецкие, фески турецкие... А нефть — наша, законы — тоже наши... Надо бухет ввести закончик, чтобы турецкие шаровары турки шили только из английского сукна.

Рис. Д. Мельникова.

Суд скорый и милостивый.

Франция требует от Германии возмещения расходов по занятию ее войсками Рурской области.

(Из газет).

Не успели французские войска как следует расположиться в городе, как пришел и французский суд. Председатель был суров и не по-французски серьезен.

— Герр Штофф,—обратился он к первому обвиняемому,—вы обвиняетесь в том, что доблестными войсками французской республики в вашем собственном доме разбито двадцать одно стекло, отобрано пять простынь, дюжина рубах, два колечка... Признаете ли себя виновным?

— Точно так, мсье судья, был такой грех. Да еще был взят женин браслет и шуба... Как это случилось, сам не припомню. Прошу извинения, мсье судья.

— Видите, сначала наделает бед, а потом извольте видеть: извинения просит. Что-ж по вашему, по-немецкому-то, выходит, что войска Французской демократической республики должны кататься за десятки верст по казенным дорогам, тратить казенные деньги для того, чтобы разбить какие-то негодные стекла и отобрать дрянные колечки и шубу? Нет, ежели суд, так уж отвечайте по настоящему.

Переведа дух, председатель четко произнес:

— Именем Французской демократической республики приговариваем: гр. Штоффу за разбитые у него в собственном доме стекла и отнятую у его же жены шубу платить штраф сто франков на возмещение убытков, нанесенных республике во время производства указанных операций...

На скамье подсудимых следующий обвиняемый.

— Герр Грюнвальд, вы обвиняетесь в том, что доблестными войсками Французской демократической республики вам выбито два зуба и ранен бок. Вашей же дочери нанесены удары прикладом... Признаете ли себя виновным?

— Признаюсь, мсье судья, как перед истинным богом: все было именно так, как вы изволили сказать. Разве только сына еще слегка толкнули тем же прикладом, а жену матерно выругали.

— Ваша вина, таким образом, еще усугубляется. Что-ж: по вашему, по-немецкому, выходит, что из-за каких-то испорченных зубов и какого-то, с позволения сказать, бока должны износиться казенные дороги (не пешком же пришли наши войска сюда) и тратиться казенные франки? Нет, это переходит всякие границы...

В РУРЕ ... БЕЗ УГЛЯ

Подождав приличия ради одну минуту, председатель произнес:

— Именем Французской демократической республики приговариваем: гр. Грюнвальду за выбитые ему зубы, ранение его же бока и за удары, нанесенные его дочери прикладом, платить двести франков. Сумму обратить на покрытие расходов, понесенных государством при перевозке для указанных операций войск...

На скамье подсудимых обвиняемые мелькали один за другим. Обвинения предъявлялись самые тяжкие: тут были и убийства, и грабежи, и буйства, совершенные по вине немецких граждан войсками демократической республики Франции. И за все эти преступления обвиняемые платили полновесными франками.

«Сделка» в Руре оказалась выгоднее многих биржевых сделок: и «удовольствие» есть, и убытку нет.

Там и тут.

Лейпцигский дисциплинарный суд постановил, что железнодорожные чиновники не пользуются свободой стачек.

(Из телеграмм).

Эно, конечно, в «свободной» Германии.
Стачка? Что вы! Европа высмеет.
На «демократическом» стинкесовом аркане
И без того свободно... повиснуть.

В России—ну, тут это не ново,
Конечно, мы пред Европой—невезеды.
На-днях лишь извозчики кулака Копылова
Бастовали из-за жалованья и спец-обезьян.

И выжали все до лимончика!
Некультурно, а деньги—у рабочих в шармане.
Грубовато,—а как же вы хотите ночью?
Конечно, это не в «культурной» Германии.

Тад. Тынов.

АНОХА.

(Сказочка).

Пугали Аноху с детства. Так на всю жизнь и остался пуганный.

Нужно Анохе на другое место перебраться,—очень уж дом плохой. Совсем соберется Аноха, жену, детей обрядит, вещи упакует... А потом вдруг вспотеет весь, закружится, засуетится, руками за голову ухватится, глазами рачьи заморгает:

— Ох, а не остаться ли здесь? Хоть плохо—а привыкли. Хоть сыро,—а спокойно. Хоть грязно,—а места-то уж больно знакомые. А там чужие люди... кто их знает, может какие непутевые. А? Остаться?

А жена уж и салон расстегивает.

— Что ж, говорит, я сейчас и самоварчик поставлю.

Не впервой Анохиной жене Анохины переезды,—привыкла...

Была у Анохи дочь умница, красавица,—даже странно, как такая могла у Анохи уродиться.

Глядел Аноха на дочку и говорил жене:

— Ой, страшно мне! Ох, тошно мне! Не уберечь нам дочку. Охальников теперь—не оберешься. Придет такой и соблазнит наше дитячко!

Каждый день по десяти раз скрипел так Аноха, а под конец уж и скрипеть перестал: глядит на дочку и плачет.

Невытерпел стало дочке от Анохиного нытья и плача, собрала она как-то пожитки, да и убежала с каким-то охальником.

Узнал об этом Аноха, поглядел на жену и говорит:

— Ведь я это предчувствовал...

А погиб Аноха так. В учреждении, где он служил, кража была большая.

Стали со служащих допрос снимать—Аноха так испугался, что тут же у него сердце лопнуло. И решили: он самый жулик и есть. А Аноха копейки ни у кого сроду не утаивал.

Тут от горя и позора и жена Анохина умерла.

Вас. Лебедев.

Колыбельная маршала Фоша.

В Рурской области продовольственное положение ухудшается с каждым днем. Особенно страдают германские дети от недостатка молока, реквизированного для нужд французской армии.

(„Известия“)

— Спи, моя деточка славная,
Пусть я—в кроватке твоей,
Надо встречать—это главное!—
Вежливо рурских гостей.

С немцами грубыми справиться,
Думаешь,—это легко?
Мне надо в Руре поправиться:
Дай-на твое молоко!

Папе в тюрьме будет клеточка,
Ты за него не про и...
Деточ а, м лая деточка,
Вот тебе дуло,—соси

Радио-поп.

(Возможная картинка будущего).

В Соед. Штатах с некоторых пор стали практиковаться венчания по радио-телефону. Распоряжением генерал-прокурора Ньютона браки, заключенные по радио-телефону, признаются недействительными.

В 1928 году в большинстве квартир российских граждан имелись уже радио-аппараты. Но, как это ни странно, нигде висели еще не... иконы... Религиозные предрассудки еще не были изжиты...

Один из таких религиозных «последних могокан» готовился к свадьбе. Но так как он был уже не столь религиозен, как прежде, и допускал в церковных делах разные новшества, то он задумал венчаться по радио-телефону.

Поп ничего против не имел. Он был даже рад этому...

— Для меня и лучше, «равославные»!.. Я бы хотел малую толику дома посидеть... Недужится мне zelo!.. сказал он жениху и записал позывной сигнал и длину воздушной волны...

Венчанье происходило на квартире жениха. В назначенное время брачующиеся стали перед алтарем. И скоро из приемника зазвучали свадебные церковные возгласы и молитвы.

Сперва все шло «честь-честью». Но когда доносилось поповское чтение евангелия о «браке в Канне-Галилейской», во время кот рога не хватило вина, то за словами: «рече Иисусе» вдруг раздалось:

— Эй, живо, живо, живо!

Подай сутылку пива!..

Голос напевавший этот романс, был женский...

Венчавшиеся были сконфужены и переглянулись...

Но вслед за этим раздался снова голос попа. — Молчи, Манька, чорт! Не мешай венчать!.. Дальше все прошло сравнительно в порядке, но все-таки торжество было уже испорчено... Как после выяснилось, у венчавшего по радио попа была в это время одна по его выражению, «вавилонская блудница» и мешала ему «работать»...

Несмотря на такой казус, этот «радио-поп» стал продолжать ту же прантину.

Снова в одной квартире стала пред налсем парочка, не желающая обойтись без попа, и прислушивалась к аппарату. Но то, что раздалось вдруг оттуда, заставило их в недоумении широко раскрыть глаза, а невеста так даже побледнела... Пение было совсем не такое, какое они привыкли слышать на чужих свадьбах, а наоборот — напоминало что-то, похоронное...

— Благослови еси, господи, научи ны оправданием твоим!.. — слушал жених и вдруг в поминил: «Что за чорт? Вед это я пять дней назад на отпевании тетки слышал!»...

И как бы в подтверждение его мысли зазвучало:

«Со святыми упокой души усопших... раб твоих!»

Невеста дико вскрикнула и упала в обморок...

— Вы что же это — отпевать заживо нас вздумали вместо венчанья-то?.. — набросился жених на попа, прибежав к нему как сумасшедший.

— Как-о певать?.. — не помаял тот. — Раз вы живы, зачем же вас отпевать?.. Сохрани, святой владыко!.. Отпевал я сегодня, правда, тоже по ради, токмо не вас...

— А кого же?.. Вы по какому сигналу с нами соединялись? длина нашей волны?..

Батяка тветил. Все выяснилось: он перепутал сигналы и волны...

Апостол Федор.

СМЕРТЬ.

У портновской Прасковьи дочка умерла. Бог ее знает, отчего свалилась:

Кто говорит, сырой водицы испила, А кто, будто от глазу ей приключилось. Портной для похорон выбрал праздник Сам на кладбище закапывал гроб:

Могильщик берет не меньше красенькой, А тут и без того — поминки, да поп.

В подвале у портного шум и гам, Народу великого, почитай, полсотни:

Четверть, говорят, поставил «сам» — А народ, известно, до выпивки ототник.

Совсем раскис от вина портной, Плачет, смеется и рыгает пьяно:

— «Ет-та... да! Со святыми упокой Новопредставшую девицу Анну».

Прасковья на койке слезливо голосит: — «Нюрочка, Нюрочка! Миленькая Нюрка!»

А со стены прищурившись Ленин глядит И какой-то солдат в папаше и бурке.

— «Прасковья! Слышь ты, не смей реветь. За день пора бы уже закрыть глебалку!»

— «Дай ей, Прозорым, Нюрку пожелать, Уже очень Нюрку-то ей жалко!»

— «Прасковья! Жена! Молчать! Слышь, молчать! Ты расстраиваешь общество всем.

А ежели хочешь дите опять, — Изволь: к Рождеству другого устроим!»

Сразу веселей попойка пошла, Заревели под гармошку хрипло и пьяно..

Может быть, и лучше, что отсюда ушла «Новопредставленный младенец Анна?»

Вас. Лебедев.

Южно-Африканский премьер-министр заявил, что Европа переживает такой кризис, какого не было 1000 лет. (Из телеграмм).

Рис. М. Черемных.

Южно-Африканский министр: — Как поглядишь кругом, — душа радуется: никаких бунтов, никаких революций! В наших алмазных копях все спокойно. А вот прочтешь газету — и на душе заскребет — больно уж там нехорошо!

Русский стиль.

Рис. Ивана Малютина.

Эмигранты, окончательно изверившиеся в том, что Россия вновь может стать монархической, утешаются тем, что устраивают ..русские обеды с блинами и кулебяками в подходящей „русской“ обстановке.

Из газет.

— „Не дожидаться нам Мессии!
Сроки слишком уж длинны!
Коли белой нет России,—
Дайте—белые блины!

В нас все меньше к вам доверьт,
Дмитрий Павлович, Кирилл...
Ой, летят и пух, и перья
С эмигрантских наших крыл!..

Бурцев—лгун, а Врангель—бика!
Да, остыл в нас белый жар...
Пу ть хоть будет—кулебяка!
Пусть хоть—русский самовар!!!“

ДИПКУРЬЕР.

В некий нерадостный день дипкуррьер получает перегруженный печатами пакет и суточные.

Дипкуррьер выходит на улицу, подымает воротник и подозрительно оглядывается по сторонам. Кто-то в штатском стоит на углу и рассеянно читает афишу.

«Шпион от Антанты»,—с быстротой молнии решает дипкуррьер.—«Нужно не показывать вида»,—думает он и медленно идет в противоположную сторону.

Неизвестный бросает афишу и следует за ним. Дипкуррьер поворачивает направо, незнакомец—за ним.

— Необходимо скрыться в ворота, авось здесь проходной двор,—соображает дипкуррьер.

Но глухая стена останавливает его где-то около помойной ямы. Он прячется и слышит знакомые шаги, хлопанье двери рядом и какие-то странные звуки.

Дипкуррьер настораживается, судорожно сжимает рукоятку браунинга и на ципочках проскальзывает на улицу.

— Спасен,—думает он, но, оглянувшись, видит у ворот шпиона, почему-то оправляющего одежду.

— Достает фотографический аппарат,—догадывается дипкуррьер, стремительно нахлобучивает кепку и выбегает на площадь. Сознание опасности удесятерляет силы, и дипкуррьер с маху опрокидывает какую-то даму, мальчика с папиросами и еще что-то.

— Держи,—кричит ошеломленный милиционер и пускает вдогонку свой жезл.

— Держи,—подхватывают в толпе, и злополучный дипкуррьер с час доказывает в милицейском участке причины подозрительного бегства.

После долгих переговоров по телефону, арестованного освобождают.

А неизвестный, оказавшийся экспедитором банка, долго размышляет по поводу странного происшествия.

— И кто бы мог подумать, что такой приличный молодой человек, вдруг—жулик, говорит он озадаченной даме.

— Не иначе сумочку хотел вырвать,—поспешно соглашается та.

* * *

На следующий день на аэродроме, укутанный в меха дипкуррьер пристально взглядывается в лицо летчика и думает:

— Однако, он скверно говорит по-русски, странно...

Летчик-латыш, коверкая некоторые слова, уговаривает поспешить.

— Французский агент,—внезапно догадывается дипкуррьер и, прижимая к груди драгоценный пакет, неожиданно вскакивает в автомобиль.

— Гони,—угрожающе кричит он испуганному шоферу и кладет на сиденье револьвер.

— Спьяна, должно,—обиженно рассуждает шофер,—и то жалование в золоте чай получает.

* * *

В купе нет никого. Дипкуррьер кладет чемодан, быстро захлопывает дверь и спускает шторы.

С потайным фонариком и браунингом в руках, он долго и основательно шарит под диванами, тщательно исследуя каждую трещину пола.

— Благополучно,—решает он и облегченно ощупывает почту,—все хорошо, пакет на месте.

Дипкуррьер откидывается на спинку дивана, закуривает и ждет второго звонка.

Дзень-дзень,—раздается с перона.

— Сейчас поедем,—думает дипкуррьер, и вдруг дверь с шумом открывается и входит новый пассажир.

— Пермете муа де м,ассуар,—исканно говорит вошедший.

— Силь ву пле,—угрюмо произносит дипкуррьер единственную фразу, которую знает. После этого оба долго и молча созерцают друг друга.

— Не нравится мне этот тип,—решает дипкуррьер,—если и не шпион, то, во всяком случае, белогвардеец.

— Странный субъект,—думает вошедший, едущий в Берлин от Внешторга,—не то англичанин, не то чорт знает что...

Новый пассажир вспоминает о секретных документах, зашитых вместе с партбилетом в подкладке жилетки, и чувствует себя как-то не по себе.

— Заговорить с ним, что ли,—мелькает в голове дипкурьера,—впрочем, как с ним заговорить, ежели кроме сильвупле и бонжура ни аза не знаю.

— Что бы ему сказать,—думает незнакомец,—вот и ездят без языка...

И оба молча присматриваются друг к другу.

— Чего это он уставился мне в ма-нишку,—пугается дипкуррьер и, широко растопырив полы пальто, быстро перекладывает пакет в чемодан.

— Знает, стервец, где спрятаны,—догадывается пассажир и с такой же поспешностью вепарывает жилет и прячет документы в саквояж.

Поезд минует границу. Оба предъявляют паспорта, тщательно скрывая их друг от друга.

Наступает ночь, оба бодрствуют. Дипкуррьер закрывает глаза, слышит ненатуральный храп и из-под полуопущенных век видит полуоткрытые глаза соседа.

Ночь тянется мучительно долго. Каждый ждет нападения и конвульсивно готовится к обороне. Наконец, дипкуррьер не выдерживает. Схватывает чемодан и выходит в корридор.

— Западня,—угадывает сосед и выскакивает с саквояжем туда же.

— Проклятие,—бормочет дипкуррьер и запирается в уборной.

Пассажир ждет в проходе, мнет рукой папиросу, крошит табак и решает: «Если он бросится на меня, я засыплю ему глаза табачной пылью».

Дипкуррьер долго сидит в уборной, собирается с мужеством и слегка приоткрывает дверь. Прямо в упор смотрит подозрительный спутник, и взор его отдает мрачной решимостью.

Дипкуррьер захлопывает дверь и ждет до утра.

В нескольких верстах от Берлина дипкуррьер пулей выбегает на площадку и спрыгивает с поезда на полном ходу.

* * *

В представительстве дипкуррьер видит опасного шпиона выходящим из кабинета Полпреда.

— Вы разве незнакомы?—спрашивает кто-то из служащих,—познакомьтесь. Это—сотрудник Внешторга, а это—наш дипкуррьер.

Сбзн.

ЧАСТУШКИ.

1.

Милый гонит самогон,
Денег у него вагон,
За успехи в самогоне
В арестантском он вагоне.

2.

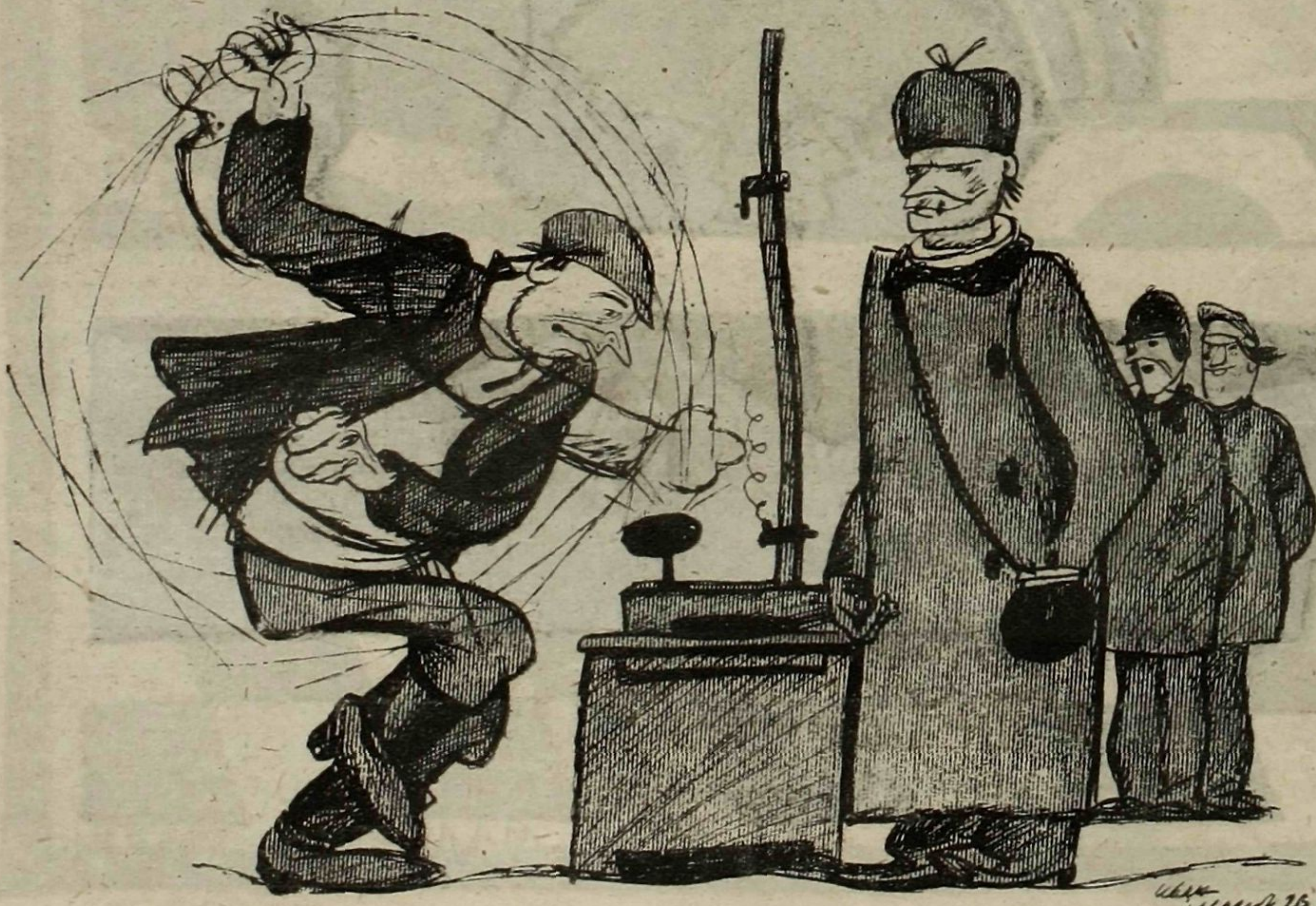
Самогонщик, политурник,
С вами я в одной толпе,
Я как пьяница и шкурник
Исключен из Ре Ка Пе.

3.

Че утопишь в лозике кошку,
То б ее не окунал,
То увь, копать картошку
Присудил мне трибунал.

Э. Н.

Рис. Ивана Малютина.

Картинки „Новой Москвы“.

„Силомер“ на Страстном бульваре.

Спорная долина.

Крестьянин не знает своих прав относительно какого-либо клочка земли. Его сосед так же не знает своих прав, но желает этот клочек захватить. Оба они идут в волостную земельную комиссию судиться. Там пет земельного кодекса, либо статей не знают, либо не понимают. Из волости едут в уезд, потом в губернию. Постановления губернии часто отменяются центром.

(Из газет).

Увидел дядя Микита хорошую долину недалеко за околицей, тут же подумал:

— А хорошо в ней проса посеять!

Увидел и дядя Гаврила эту самую долину, тоже подумал:

— А хорошо в ней льну посеять на рубашки!

Запрет утром дядя Микита пегого меренишку, запрет и дядя Гаврила чалого меренишку. Дядя Микита насыпал семенного проса, а дядя Гаврила—семенного льну. Поехали. Дядя Микита заехал с одного конца, дядя Гаврила заехал с другого конца. Идет бороздой пегий меренишка, идет бороздой навстречу ему и чалый меренишка. Лошадиное дело—понятно: нельзя не идти: дядя Микита хтещет под хвост и дядя Гаврила хлещет под хвост. Сошлись меренишки вплотную, стукнулись лбами и мужики увидели друг друга вплотную.

— Ты чего делаешь?—сказал дядя Микита.

— А ты чего делаешь?—сказал дядя Гаврила.

— Я пашу долину.

— И я пашу долину.

Тогда дядя Микита закричал:

— Ты не имеешь права пахать ее!

И дядя Гаврила закричал:

— Ты тоже не имеешь права пахать ее! Заспорили.

Решительный мужик был дядя Микита: отстегнул постромки, вскочил на меренишку, ударил ногами по бокам, поскакал в волостную земельную комиссию в законы глядеть: кто имеет права долину пахать? Тут и дядя Гаврила решительным сделался: зануздал меренишку веревочным кушаком, чтобы скакал пошибче, ударился вслед за Микитой.

В волостной земельной комиссии стояла большая чернильница на столе, рядом лежала председательская шапка, а самого председателя не было.

Дядя Микита прискакал первым.

Через полчаса он увидел председательские ноги, но не было председательской головы.

— Что это такое?—подумал дядя Микита.—Ноги тут, головы нет. Куда ее черти утащили?

Но черти не утаскивали председательскую голову. Через полчаса дядя Микита нашел ее под столом. А так как все законы должны находиться в этой самой голове, то и начал дядя Микита эту голову шевелить. Но в голове ничего не было кроме нескольких кружек выпитой самогонки.

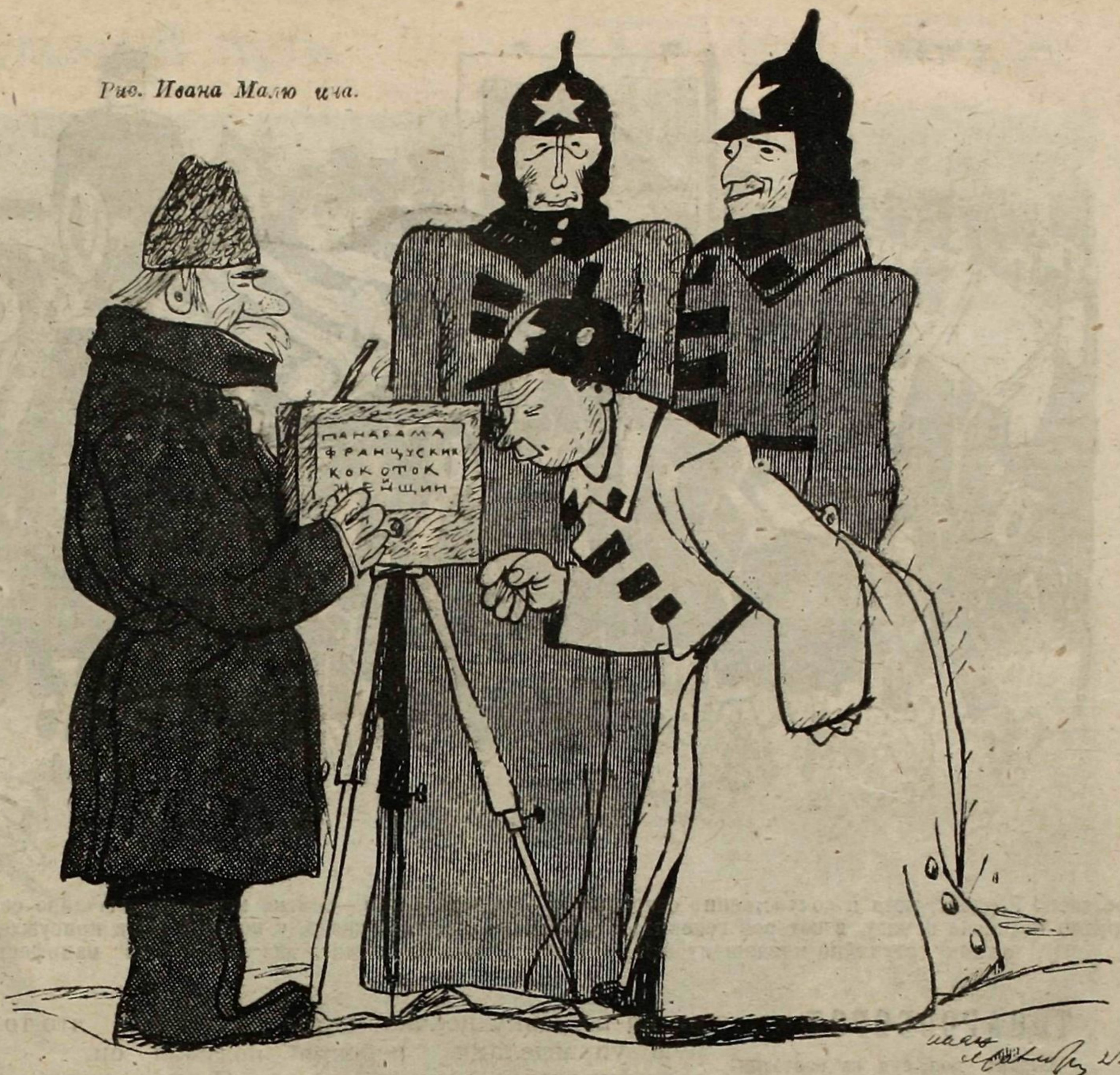
В это время прискакал и дядя Гаврила.

— Кто имеет право пахать?—закричал дядя Микита.

— Ты!—сказала голова, не открывающая глаз.

— А я не имею?—закричал дядя Гаврила.

Рис. Ивана Малю и др.

Картинки „Новой Москвы“.

„Панарама“.

— И ты имеешь!—сказала голова. Заспорили.

Решительный мужик был дядя Микита: выскочил из волостной земельной комиссии, ударил по бокам пегого меренишку—поскакал в уездную земельную комиссию—там знают! Думал-думал дядя Микита, сел на чалого меренишку, поднялся еще выше—прямо в губернскую комиссию—уж там-то не бойсь знают!

Прискакал в уездную комиссию дядя Микита, говорит:

— Так и так, товарищи, желаю закон настоящий узнать насчет спорной долины: кто имеет право пахать ее?

— Сколько лошадей у тебя?—спросила уездная комиссия.

— Одна.

— А едоков сколько?

— Восемь.

— В Красной армии воевал?

— Воевал.

— Значит, и паши на здоровье.

— Дайте мне бумажечку, чтобы Гаврилу отшить.

Дали.

Привез и Гаврила бумажечку из губернской комиссии. Идет через неделю бороздой по долине, в руке держит бумажечку со штемпелем. А навстречу ему Микита идет по своей борозде и тоже в руке держит бумажечку со штемпелем.

— Вот,—говорит дядя Микита—гляди на мой штемпель.

А дядя Гаврила говорит:

— Твой штемпель меньше моего и я его закрою: пахать долину ты не имеешь права.

Опять заспорили.

Рассердился дядя Микита, хлестнул меренишку под хвост, поскакал в губернскую комиссию за большим штемпелем. Рассердился и дядя Гаврила. Взнуздав чалого меренишку покрепче, поскакал в объезд.

Гонят два мужика двух меренишек от долины до города, а долина стоит пустырем незапаханным.

Насмешник.

НОВАЯ МАГДАЛИНА.

По сообщениям эмигрантской печати в Константинополе некий бывший полковник по ночам выступает в качестве „артиста“ в одном порнографическом театрике-притоне, где все играют голыми, а кроме того по утрам поет на клиросе в посольской церкви.

Когда скончался сей герой, Архангел путь его пресек И спросил: „Скажи, открой Чем согрешил ты человек?“

И так отвечивал герой: „Святой ключарь, засов откинь И рай дары свои утрой, Я—редкий праведник. Аминь. Я тела открывал красу, Быв во плоти богатырем, Двойную благодать несу— Зане и перед алтарем Являл духовную красу...“

Едва не выронив ключи, Воззвал архангел: „Замолчи“... Но вдруг услышал свыше глас: „Вот этот юноша по мне, Ему готов приют у нас— Зане Он праведник вавоине...“

Ник.

Президент Гардинг, хотя и сочувственно относится к смертной казни,—тем не менее чрезвычайно сердободен и добр: два месяца тому назад он собственноручно подписал бумагу, в которой говорилось об отмене смертной казни, к которой была приговорена собака, принадлежащая иностранцу. Нашему журналисту, случайно попавшему в Нью-Йорк, удалось зарисовать для „Крокодила“ манифестацию в честь собаколюбивого президента.

ТОВАРООБОРОТ.

Отданы под суд за взяточничество ответственные работники Уралвнешторга, занимавшиеся скупкой товаров, принадлежащих Уралвнешторгу, и продававшие Уралвнешторгу эти же самые товары.

„Известия“.

Новый директор Главупра собрал всех ответственных работников в кабинет и заявил:

— В нашем деле самое главное — товарооборот. Купец только тогда купец, когда он быстро оборачивает капитал...

Прикинул на счетах:

— Вот смотрите! Мы наживаем на пуд меньше на 20%, а в общей сумме...

Ответственные работники в один голос заявили:

— Так оно и есть!

Дежа Главупра шли не особенно блестяще. До сих пор гнались, главным образом, за прибылями: прибыльна сделка заводом — значит она состоится — неприбыльна — извините! Понятно, что товарооборот был слабый.

Через месяц представили оборотную ведомость — любо дорого! В десять раз увеличили! Директор снова созвал всех:

— Благодарю вас, товарищи! Продолжайте!

И товарищи продолжали: промотдел купил у заготовдела партию пеньки и продал эту партию в торговдел. Торговдел обменял пеньку у снаботдела на зерно и с солидной надбавкой продал это зерно управделами. Снаботдел в то же самое время заключил договор с управдела-

ми на поставку пеньки, которую управделами перебрало финотделу, который держал деньги в товарах. Финотдел поручил пеньку перебрать торговделу и торговдел с солидной надбавкой перебрал ее промотделу... Сделки заключались в течение пяти-десяти минут, быстро выдавались коммиссионные посредникам, и в течение одного дня товар переходил из рук в руки раз десять, пока не оказывался у прежнего владельца. На другой день начиналось то же самое...

Директор только диву давался:

— Вы понимаете, доказывал он представителям из центра и из других мест — два три месяца — и небывалый результат!

И раскрывая солидные гроссбухи показывал огромные цифры в дензнаках всех образцов, достигавшие до шестидесяти нулей с соответственной цифрой, предводительствующей этими нулями.

— Вы только подумайте! Это... Ну я не могу сказать, что это такое...

Представители смотрели и тоже диву давались.

Но среди них один нашелся неверующий. Сел он около Главупра на тумбочку посмотреть, оживленно ли идет торговля. Сидел целый день — никто не входит в Главупра — только разве какой заводделом запыхавшись перебежит с одного этажа в другой, или заблудшая кошка заберется по лестнице и назад. Ни подвод, ни товара — ничего!

— Здесь что-то не так! — подумал он.

Явился к директору.

— Понимаете — что-то не так... Целый день сидел — ни продавцов, ни покупателей.

Тот посмотрел в ведомость: — Как же так... Вот и ведомость за сегодняшний день...

Посмотрели в ведомость: оборота в этот день миллиард миллиардов, в дензнаках самого неопишемого образца!

— Вот — смотрите!

Сели они оба и задумались. Не успели они и полчаса подумать — входит казначей:

— Завтра уплата жалованья — и в кассе ни копейки!

— То-есть как ни копейки?! — удивился директор... — Такие хорошие обороты...

— Ни копейки — сердито заявил кассир. — Сколько было денег, все на коммиссионные роздал... Вот и расписки!

Смотрят: завторготделом Иванову коммиссии... завснаботделом за доставку товара... зав...

Вызывают бухгалтера:

— Немедленно составьте баланс!

— Позвольте, при таких оборотах...

— Подведите сальдо по главной книге... в золоте...

— Слушаю-с!

— Директор Главупра сидел целый день в кабинете и подводил итоги:

«В момент моего вступления в должность было: товаров на 170.000 рублей и в кассе — 50.000 рублей...»

В настоящий момент имеем:

товаров на те же 170.000 рублей, а в кассе»...

Вызывает опять заводделами:

— Что же это такое? А!?

Завотделы как по команде ответили:

— Товарооборот!

Бабаря.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

(Для социал-демократического голоса)

Спи, мой котик, не бунтуй,

Не волнуйся, не бабтуй: —

За воротами француз,

Поклонись, сними картуз!

Непогода на дворе;

Пляшет чорт Пуанкарэ.

Спрячь, мой зайчик, пистолет. —

Злее чорта зверя нет.

Спи!.. В Гааге был конгресс,

Вандервельд на стол полез,

Про войну метал слова...

Разболелась голова.

Стиннес нам в лицо плетет, —

Вельс твердит, что дождь идет...

В Руре Фох спует, как тать,

Вышел зайчик погулять.

В Руре стон, и плач, и крик

Клоп заполз за воротник.

Мемель заняла Литва...

Все на свете трын-трава...

А-а-а... Единый фронт...

Дождь идет. Наставь свой зонтик!

Спи, мой мальчик, спи, мой чиж, —

Стиннес нам спешит в Париж.

А-а-а... В тюрьме Кашен...

Я боюсь тюремных стен...

Едет Стиннес, Люберзак, —

Разоюми, мой друг, кулак.

Спи, мой зайчик, спи, мой чиж,

Уголь нам везут в Париж.

Аметердам строчит протест,

Бог не выдаст, вошь не съест.

На престол фашисты прут,

Сапоги на стол кладут.

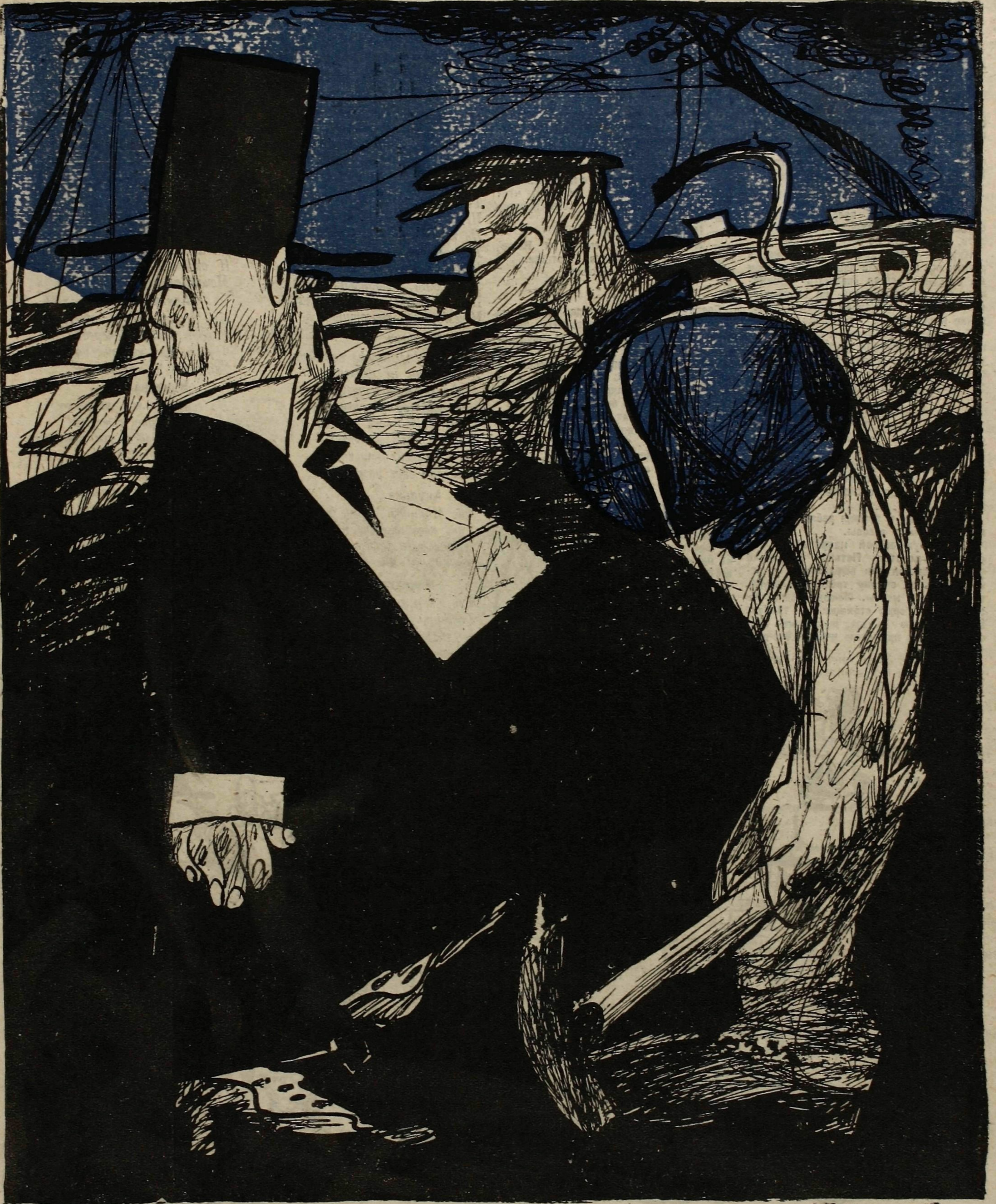
Спи, мой чижик. Брось свой нож,

Не заметишь, коль уснешь.

И. Агол.

Правильный путь,

Французская власть в Руре приказала разрушить ж. д. путь, ведущий в Германию. Рабочие разрушили путь — на Францию. Из газет.

М. Черных В.

Французский буржуй:—Вам что было сказано, чорт возьми!..
Рабочий:—Разрушить железную дорогу, идущую в Рур.

Как ребята хотели всем нос утереть.

Ц.К.Р.К.С.М. объявил конкурс на примерную ячейку».

(Рассказ).

Собрались ребята. Гуторят. Шум. — Примерная ячейка. Хе, хе... Конкурс! Выдумали тоже...

— Тс... Кто там еще разоряется? Слово Яшке. Эй, замолчите!

Откуда прить взялась. Яшка Клюев рот без улыбки и смущения не мог открыть и вдруг:

— Товарищи! Так как Цека, так сказать, конкурс объявил, ну и поэтому... Насчет, так сказать, примерной ячейки... — Чего он треплет?!

Яшка не смутился. — Товарищи! Я предлагаю подтянуться и сделать нашу ячейку, так сказать, образцовой по всем статьям.

Кирилка—представитель от ячейки в завком все натаскивал язык и на первом же собрании решил «покрыть» администрацию; «нагнать жару» на завкомщиков, чтобы те прибавили ребятам жалование и выдали бы спецдождю.

Яшка-секретарь вечером сидел в клубе и строчил инструкции: насчет поведения членов во время собраний; об обязанностях дежурных по клубу, и чтобы ребята подписались на «Юношескую правду».

— Гм...—думал Петька-политпросветчик.—Для того, значит, чтобы была ячейка—примерная, надо выпустить стенную газету. Да покрепче там накапать обо всем... Школу политграмоты и безграмоты ¹⁾ надо организовать... Стоп. Где список?

Взял список и выбрал ребят-слушателей в будущие школы.

После двух-часовой напряженной умственной работы, Петька «морально устал», (как он сам выражался), и откинувшись на спинку трехногого стула, погрузился в мечты. Мысль играла. Он видел себя гордо стоящим на трибуне всероссийского съезда, делающим красивый доклад про свою ячейку. Все слу-

¹⁾ Очевидно, надо понимать: школу о ликвидации безграмотности.

шают его с затаенным дыханием. Тысячи глаз устремлены на него. Он кончил. Овация и гром аплодисментов. Его снимают с трибуны и несут на руках по всему залу, затем сажают на почетное место в первых рядах... Петька чувствует себя на седьмом небе... Но что это за крик? Кто нарушил его блаженство?

Петька нехотя поднимает веки. О, что-б тебе! Вмиг иллюзия разлетается в прах.

— Петька, чорт, что ты спишь!— кричит ворвавшийся Кирилка.—Мы упустили самое главное!

— Уйди... Дурак...—бормочет Петька, но Кирилка не отстает:

— Насчет фабзауча, что мы сделали?— настойчиво спрашивает он.—Ну, что? А? Ничего! А еще хотим быть примерной ячейкой. Э, черти!

— Ну тебя. Отстань.

— Не-ет! Пойдем сейчас к Яшке, потолкуем.—И Кирилка потащил в дверь упировавшегося Петьку.

* * *

Долго шла у них беседа. Ничего на ум не приходило. Что делать? Как быть? Как сделать школу фабзауча образцовой?..

— Нет, товарищи. Легко говорить, а делать, так сказать, тово, трудно. Одно сделаем—другое, глядишь, развалено.

— Так как же быть?

— Наюн, значит, примерная ячейка,—сказал Кирилка.

— Что же?... и доклад мой на всерос...—зайнулся было Петька, но не выдержал и всплакнул.

* * *

По дороге домой, Петька шел и злился. А морозный ветер больно хлестал уши, и как будто шептал: «Что, братцы, из ничего хотели сделать—все? Х-х-х... Хотели в три дня сделать из плохой ячейки—примерную! Нет, вы поработайте, потрудитесь, создайте, сотворите, и тогда говорите!»

Сон у Петьки был самый мятежный...
Красный петрляк.

ВОТ ЛЮБОВЬ-ТО КАКОВА!

(«Заемная» полька-дуг).

Акулька.

Ты куда, мой чернокарий,
Полетел, не слыша ног:
К спекулянтам на базаре
Аль к приятелям в шинок?

Микитка.

На базар, Акуля, правлю,—
Для тебя, моей красы.
Я те бусами забавлю,
А себе куплю часы.

Акулька.

Ты оставь свои турусы,
Неча даром зубья грызть.
Не нужны мне эти бусы,
Бусы—дому не корысть.
И без них мы прежде жили.
Ты бросай, Микитка, прить.
Вон в избенке двери сгнили.
Нечем гвоздя вколотить.

Микитка.

Дверь к жилетке не наденешь
И гвоздями не форснешь,
А фуражку набекренишь—
Тень повсюду наведешь.
То-ли дело:—взял гармонию,
Выпил крепко и ходи,
Да с Акулей антимоноью
В полном виде разводи!..

Акулька.

Эй, Микитка, брось баласы,
Тут мово согласья нет!
Лучше вслед рабочей массы
Укупи ты мне билет.

Микитка.

Нет, как хочешь,—не согласен
Тратить деньги на заем.
Мы без этих самых басен
Лучше денежки протъем.

Акулька.

Дашь в заем,—пойдут заводы
И наладится транспорт,
Сгинут общие невагоды,
Жизнь пойдет за первый сорт.

Микитка.

Это верно и без спору,—
Только денег больно жалко.
Отвали-ка эту гору!..
Лучше бусы али шаль...

Акулька.

Будет шаль и будут бусы
И подарков полный дом,
Только брось свои турусы.—
И купи скорей заем.

Микитка.

Это выгодно, как бают,
Да охота мне... часы.
И опять-же там гуляют,
Мочат в рюмбках усы...

Акулька.

Ну, ступай тогда, пьянчуга,
Только помни наперед,
Что ко мне теперь, подлюга,
Запрещен навеки ход.

Микитка.

Не сердись, моя милашка,—
Ладно! Мирно заживем!
Завтра-же будет вам бумажка
На унутренний заем!..

Акулька.

Я работать мастерица,
Ты работать не дурак,
Значит, будем мы трудиться
Для своих и общих благ!
Поцелую, бес те в ребры
За хорошие слова.

Оба вместе.

Посмотрите, люди добры:
Вот любовь-то какова!..

Е. Фрлов.

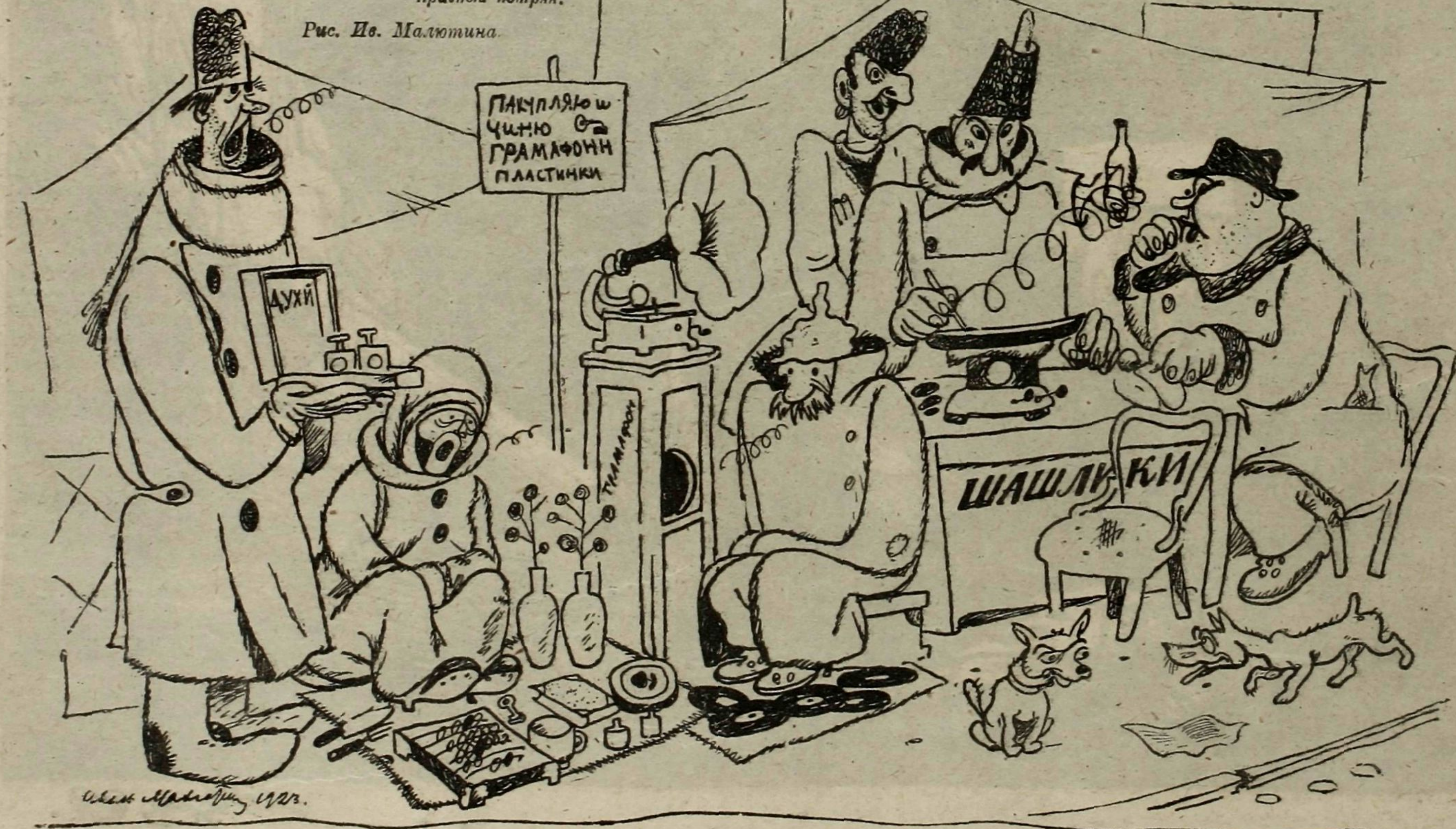

Рис. Ив. Малютина.

КАРТИНКИ „НОВОЙ МОСКВЫ“.—Шашлычная на свежем воздухе.

Видами в бок.

Держиморда.

Чтобы вы сказали, если бы с вами приключилась такая, например, история. Сидите вы где-нибудь и работаете. Входит эдакий субъект, штаны с пузырями, подходит к вам и, не говоря худого слова, трах вам по физиономии!

— Что? Почему? За что?

А тот—руки в карман, да индо так:

— Я инструктор по внешкольному образованию! Невероятно, но подобный случай был:

18 января, вечером, около контрольной будки депо М.-Нижегор. ж. д., рабочие могли наблюдать, как старший агент по охране, вдребезги пьяный, вздумал учить сторожа этой будки, и так его поучил, что у последнего лицо покрылось довольно яркими следами.

— Я—старший агент по охране,—заявил в объяснение учитель.

Неужели ни один из наблюдавших этот случай не заявил, предварительно прикоснувшись к физиономии «агента»:

— Я—рабочий депо Москов.-Каз. жел. дороги!

Ведь «агент» на это не смог бы ничего возразить!

церковь не ездят, но налогов не собирают, так как, по сообщению газеты «Терек» (№ 261),

объясняется это тем, что некоторые налоговые инспектора даже не знают, что такое трудгужналог (!).

Вызовут таких, с позволения сказать, налоговых инспекторов в исполком, для объявления Рыковского выговора, а они сделают удивленные глаза и спросят:

— Трудгужналог? А это что такое? Птица али человек?

Ярославские «Иваны Ивановичи».

Гоголевский Иван Иванович после церковной службы обходил нищих.

— Здорово, небого!—спрашивал он искалеченную бабу.—Откуда ты, бедная?

Та ему расскажет, что она три дня не пила, не ела и пришла милостыню просить—не даст ли кто на хлеб.

— Гм! Что ж, тебе разве хочется хлеба?—спросит Иван Иванович.

В виду чрезмерной дороговизны европейской обуви, выпускаемой Кожтрестом, крестьяне предпочитают носить лапти и самодельные сапожища, на которые ни одна калоша не лезет. («Правда»).

Рис. Ив. М.

— Вот, робота, шеф нас наградил. Это тебе не лапоть—на ногу не лезет, а щипать гоже: не протечет!

Трудгужналоговые болячки.

Председателем СТО т. Рыковым объявлен строгий выговор заведующим отделами труда в провинции за бездеятельность в отношении проведения кампании по трудгужналогу.

«Крокодилу» известны некоторые факты, вызвавшие «бездеятельность» налоговых инспекторов в провинции. Вот потрясающий факт запротоколенный ком'ячейкой станицы Удобной Армавирского отдела Кубанской обл. (Ох, Кубань! Кубань!)

Налог-инспектора Демидов и Иванов, не выспавшись несколько дней, будучи до безумия пьяными, начали джигитовать по площади, служба посмешищем собравшимся гражданам. Мало того, Демидов верхом на лошади в'ехал в церковь, где в то время совершалось богослужение и, разогнав народ, выехал в другие двери, в то время как Иванов с бомбой в руках разогнал народ.

До сбора ли трудгужналога было лихим джигитам? В понедельник пили, во вторник пили, в среду, четверг, пятницу, субботу пили. В воскресенье в церковь верхом слушать обедню ездили. Свободной минутки не было.

Терские налог-инспектора, хотя и соседи кубанским, но нрава более мягкого. На лошадях в

— Как не хотеть—голодна, как собака!

— Так тебе, может, и мяса хочется?

— Всем буду довольна, что ваша милость даст!

Старуха протягивала руку, а Иван Иванович отвечал:

— Ну, ступай же с Богом! Чего ж ты стоишь? Ведь я тебя не бью!

Иваны Ивановичи еще не вывелись:

Тов. Д. Т. сообщает нам, что в распоряжение рославльского Уоно, Смоленской губ., недавно были переведены значительные кредиты для ликвидации задолженности учителям. Уоно решило удержать из жалованья тех учителей, которые состояли на содержании населения, стоимость полученного ими натурой пайка. Выяснилось, что такие учителя в течение года получили: 9 п. хлеба, 18 п. картошки и 1 п. мяса. По вычислениям рославльского Уоно, с таких учителей решено удержать в пользу Уоно жалованье за 8 мес., и сверх того каждый из них должен доплатить Уоно еще 25 милл. руб.

Пришли, значит, шкрабы за жалованьем, а Иван Иванович спрашивает:

— А вы хлеб ели?

— Ели.

— И мясо ели?

— Ели... Коли бы не ели давно бы умерли с голода!

— Так чего же вам еще надо?

И когда они все-таки не уходят, Иван Иванович милостиво замечает:

— Ступайте с Богом! Чего ж вы ждете? Ведь я вас не бью!

Теоретическое обучение.

В газете «Красная Звезда» (орган Политуправления ПВО) есть отдел «В минуту отдыха», где читающим предлагается для разрешения шарады и задачи.

Задача № 28.

Граница РСФСР с Эстонией. Караул на одном из участков границы в составе 13 человек во главе с караульным начальником. Группа контрабандистов, желая перевезти через границу партию товара, предложила караульному начальнику вознаграждение в виде 1 миллиарда рублей денег и двух ведер спирта за то, что он разрешит им пройти через границу.

Вознаграждение было принято. Контрабандисты пропущены. Желая сохранить дело в секрете, караульный начальник роспил с красноармейцами спирт и поделился деньгами. Сколько нужно дать каждому, чтобы караульному начальнику пришлось больше, а остальным поровну?

«Крокодил» так решил эту задачу: комиссара под суд, командира части тоже, караульного начальника под расстрел, остальным поровну по 20 лет принудработ. Редактору же вне очереди произвести перебивку головы—вытряхнуть старую труху и вложить что-нибудь более соответственное.

Образцы стиля.

В № 5 «Веч. Изв.» отчет о диспуте в театре «Гитис» переливается всем спектром высокой эстетики и чарующего стиля:

Протоиерей Введенский в эмпиреях фангасики вдохновенно творил образ бога—Христа.

Чарующая, переливчатая тончайшими нюансами, речь докладчика витала в глубинах внутреннего интимно-мистического познания.

Мистика, теологическая декламация,—вот тяжелые орудия прот. Введенского, которыми он доказывал божественность Христа.

Так говорил протоиерей. А атеист гневно «крикнул»:

Мы зп ем историю церкви, историю склоки и раздоров, огнем и мечем, кровью и страданиями масс устилающей свой путь под эгидой креста.

В отделе «Спорт» репортер Института Журналистики так описывает открытие сезона лыжного спорта:

Захватывает дух—белый дождь снежных искр.

Двенадцатый километр—ранил сердца и захватывает дух: энергия вдавливала последнее напряжение и силу рук к финишу Черная Звезда М. К. Л. упруго пружиня неслась к цели, упрямо и настойчиво ведя забег. Последние сто метров М. К. Л. ведет.

Крак—шелкнул секундомер судьи на финише. Первая межклубная вылазка, на 12 километров выиграна М. К. Л. Вторая О. Л. Л. С.

Бывало, институтки писали своим родителям: «все разъехались, одна я не разъехалась. Пришлите кучера Ивана и я разъедусь».

Хорошо писали прежние институтки, но далеко им до московских «институтков». Ишь как разъехались!

Таких надо сократить.

В г. Путивле в загконторе произведено было сокращение штатов.

Местная газета «Плуг и Молот» так говорит об этом сокращении:

Заведующий заготконторой собрал зав. п/о д. и складами, взял в руки список и приступил к сокращению независимо от социального положения. Были уволены пролетарии и полупролетарии, как напр. Антыков, Калугин, Шкурман и др., но в то-же время остались на службе: Висчинская (бывшая помещица), Лейзерович (из среды эппманов), Махлаевский и Городенский, недавнее прошлое которых известно только Гайдамацко-Петлюровским бандам, откуда они еще не так давно возвратились.

«Крокодил» предлагает в срочном порядке 3 эппманов, петлюровцев и помещиков сократить, а завзагконторой—укротить! Хотя... можно и наоборот.

НЕ УНЫВАЮЩИЕ БАЗАРЯНЕ

На московском базаре
Всякой твари по паре!
Вот—генерал бывший,
Горячо Николая любивший,
Продает с лампасами брюки
По всем правилам военной науки.

Вывеске не особенно верь,—
Лучше загл ни за дверь:
В руках—с молоком бидон,
А дома—самогон;
Папиросы—на лотке,
А коканн—в чулке!..

А вот—стоп!—
Переодетый поп.
Худ, как спичка,
Под шапкой косичка.
Продает под шумок кадило.
Как-бы это не дошло до „Крокодила“!

Шрудовые песни.

I.

Полно зныкать, будто бабы!
Взяться нам за ум пора бы.
Полно горло стоном драть,
Надо заступ в руки брать!
Полно дрыгнуть на печи,
Ну-ка бревна волочи!
И старик и молодуха,
Девка, парень и старуха,
Выходи-ка со двора,
За работу встать пора!
Ночле время—и горбатый
Пусть беретса за лопату!
Вон из хаты
Выходи!
Эй, гляди:
Мы ли не были богаты,
А теперь не крыта хата,
Не кафтан—одна заплата,
Ни дороги, ни пути—
Дальше некуда идти!
Ну-ка, матушка Рассея,
За работу веселее!

Все за дело—полно спать,
После будем отдыхать!
Дела выпала гора,
Да мы работать мастера!
За нами дело не стоит:
Как огонь в рудках горит.
Будь в работе глух и нем!
Эй, да узнем!
Поналяжем,
Понапрям—
Руки—камень, плечи—сажень:
Эй, идем!

II.

Кто теперь без дела ходит—
Выходи-ка! Эх, народик!
Не отлынивай! Не можешь?
Ишь наел какую розжу—
Полно, милый, чай хлебать.
Надо мусор убирать!
Полно, щеголь, чистить бржки—
Вот тебе метелка в руки—
Все за дело—полно спать—
После будем отдыхать.
Что, бродяга, треплешь шпалы?
Иль тебе работы мало?

Что ты, рыжий, сел на ящик,
Как купеческий приказчик?
— Не заглядывай на небо,
Не поймаешь журавля!
Ишь, раздуло, щеки с хлеба,
Ишь, салит из пасти пар—
Настоящий самосар!
Расклянись-ка!
Размажись-ка!
Навались-ка!
Эх, родной!

Что ты трубку куришь, парень,
Руки в брюки—сел, что барин:
Дай-ка вдарим!
Ну и сила, ну и рост—
Чай, поднимешь паровоз!
Эй, стрекач, не отставай!
Не пыхти—давай,
Дав-ай!
Будь в работе глух и нем,
Эй, да узнем!
Поналяжем!
Понапрям!
Мы работой есем уеажим.
Кому хочешь нос утрем!

III.

Эй, глазами полно хлопать,
Грязь-ка скопом,
Навались!
Не толкайся под ногами,
Затолкаем сапогами
Кто не с нами—
Вергись!
* * *
Бревна илим, землю роём,
Строим, строим
Новый дом!
Обвинем—сдвинем!
Мы не стынем—
Дела выпала гора,
Да, мы работать мастера!
* * *
Стоит нам за дело взятьса—
Постараться!
От работы не распухнем—
Пред работой не струхнем—
Эй, да узнем!
Эй, идем!

Михаил Новиков

Рис. М. Черемных.

Государственной нотопечатней, находящейся в ведении Наркомпроса, изданы „Этюды“, среди которых, на странице 21-ой, помещена „Песня без слов“. Оказывается, эта песня без слов—„Боже, царя храни“. („Труд“).

Обыватель: — Как хорошо жить под Госиздатом! Тут тебе и про доброго боженьку стишки, и календарь со святцами, и ноты, по которым, закрыв на всякий случай поглуше дверь можно „Боже, царя храни“ на пианино сыграть... Не-эт, жить еще можно нашему брату!

Борьба за свет.

Рис. Д. Моора.

(Истинное происшествие).

В деревню Волчьих Хвостов провели электричество. Работой заведывал товарищ Салтыков—с соседнего завода. Мужики только диву дались: повернул кнопку—светло!

— Вот штуку-то удумали!

— Как же это она—без всякого топлива?..

— Стало-быть, что само собой! В лампу керосин надо наливать—а тут пустой пузырек—и полное освещение!

Салтыкову устроили хорошие проводы:

— Прощайте, Семен Степаныч!—говорили мужики, кланяясь в пояс.

— Прощайте, товарищи—говорил Салтыков, усаживаясь в телегу.

— Н-но! Трогай!..

Лошадь помахала минуты две хвостом и скоро вместе с седоком скрылась за околицей.

* * *

Это было днем—в три часа. А в пять часов повернул мужик Петра Сидоров выключатель и... никакого освещения!

— В чем дело?

Вся деревня сполошилась—ни у кого света нет!

— Свет украли!..—разнеслось по деревне.

Семь недель без света жили. Бабы работать отказались—при лучине глаза портятся, ребята в школу ходить перестали:

— Все равно, книжку почитать нельзя, без света-то! А летом и не до книжек—к чему же и грамота!

Сход собрали: выбрали Сидора делегатом на завод к Салтыкову:

— Отчего не горит?

Собрали денег ему—в случае если керосин для этих лампочек нужен—так пусть керосин покупает. Сидор у-

— ...И никакого у вас, отец Паисий, вкуса нет. Вы намерены за живую церковь пилы и огурчиком закусить изволили, а живая церковь маринованного грибочка требует. Я, отец Паисий, всю литературу о живой церкви изучил, можно сказать, до-ско-наль-но...

хал и два дня о нем ни слуху ни духу.

Наконец, приехал.

Вся деревня собралась. Видят—выгружает Сидор две четверти, да еще маленьких бутылочек с дюжину.

— Скоро керосин раздавать будешь?

— Погодите!..

К вечеру же все знали, что Сидор привез из города спирту и вина, а мирские деньги растратил. Деревня волновалась.

У Сидора на все один ответ:

— Эта штука получше керосину гореть будет!—и на четвертную показывает.

* * *

К трем часам дня деревня выбрала комиссию для избрания Сидора. Комиссия встала у ворот его дома с палками—и дожидалась, когда Сидор выйдет из ворот. Ждали до вечера—а как стемнело, комиссия от работы отказалась:

Рис. Д. Моора.

— Я, отец Варсонофий, от жизни не отстаю: в 1907-м году за «Епархиальные Ведомости» пил, а в 1923-м пью за журнал «Безбожник»!... Все равно, наше дело пропащее—только пить и остается было бы подо что!

АЭРОПЛАН В НЕБЕ.

В ясном небе высоко
Средь волнистых облаков,
Из лучей стоит чертог—
В нем живет владыка-бог.
Роскошь райская вокруг,
Зеленеет пышный луг.
Вдаль раскинулись сады,
Бьют ручьи живой воды,
На деревьях позлащенных
И плодами отягченных
Птицы райские щебечут,
А святые рукоплещут,
Саваофа восхваляют,
В гимнах, песнях воспевают
Всемогущество его
Властелина своего.
Стража с острыми мечами
Ходит днями и ночами
И с седою головой
Петр, как верный часовой,
У ворот всегда стоит
И святых покой хранит.
На высоком, чудном троне
В драгоценнейшей короне
Бог сидит и мирно дремлет,
Сладкозвучным гимнам внемлет
Вдруг дверь стража отворила
И впустила Гавриила.
Вид Архангела ужасный:
Точно рак вареный, красный!
На лице смятение, страх
И бормочет впопыхах:
«Всемогущий там, там, глянь,
Там я тает эта дрянь
С дымом копотью с земли
Вон она летит вдали!»
«Что ты мелешь?—бог спросил,
Иль устав наш позабыл?»
«Всемогущий я... я... я...
Не казни, вина моя,
Только чудо видел я,
Гостя шлет к тебе земля.
Вон, взгляни, ты слышишь зов,
Свист и шум—то, верно, он
Вон летит, а тут, гляди.»
Бог озлился: «Уходи!
Сам узнаю, в чем тут дело,
Что за диво прилетело.
И раздвинул облака.
Вдаль взглянул. Вольна, легка.
Птица в воздухе парит,
На челе у ней горит,
Ослепляя всем глаза,
Ярко-красная звезда.
На хребте у птицы той
С гордо-поднятой главой
С просветленным, смелым взглядом
С небесами, богом, адом
В бой вступить зовущий всех
Восседает человек.
Птица крыльев мощным взмахом
Рассекает воздух... Страхом
Всех святых вдруг обуряло,
Птица же ближе подлетала.
И вдруг визорь, шум и свист,
Бог затрясся, точно лист,
Дымом всех взятых обдало
Так, что часть из них упала,
Часть безжизнь, и в тот же миг
Раздался могучий крик:
«Гей, вы! что расселись, боги?
Прочь, летать хочу, с дороги,
А не то всех кувырком
Вниз на землю!» И крылом
Опрокинул божий трон.
Бог с престола скovyркнулся,
Полетел вниз и проснулся
Ни на небе, ни земле—
В дураковой стороне.

Матвей Кредит.

Н. Ф. Липницкий.

Запомните, кого это касается, когда крокодил кусается.

Крокодилу рассказали:
На бывшем Николаевском вокзале,
Производя впечатление,
В ТАМОЖНЕ
Висит объявление:

**С чужим временем — осторожней
Зр-ло делайте дело
И не занимайтесь лишними разговорами.**

(Скажу, между нами,
Чтобы разом покончить с укорами,
Объявление написано другими сло-
вами,

Не будет грехом,
Если я его слегка изменил стихом,
Но смысл такой,
Клянусь собственной рукой).
Прочтя объявление,
Посетители,
Хопите ли, не хопите ли,
Не пристають с разговорами,
Не досаждают спорами,
А воп сами таможенники—
На счет этого художники,
И почта между собою лясы
Пока не закроют кассы,
Так что некто, не выдержав ис-
пытания,

Вознес к нам моления:
„Товарищи, обратите внимание
На ваше собственное объявление“.
Вот в этих случаях крокодил ку-
сается.

Запомните, кого это касается.
Некто Петухов.

Самогон.

Дорогой «Крокодил».
«Я обращаюсь к тебе, как к другу.
Я прочел в 17 номере, «как мужик
в долгу остался», где говорится, как
поп, буржуй и кулак все у му-
жика забрали.

А где же у мужика все теперь
девается, когда у нас советская
власть?

Я прошу ответить тебя, как дру-
га, так и будь другом.

Рабочий Юзовского Госзавода.
По дружески скажу тебе—все
бы у мужика было, да... самогон—
заедает. С него один налог на-
значит советская власть—а на ме-
стах сами прибавят:

— Гони, говорят, монету!
И гонит мужик эту монету, кому
только не придется—и писарю и
землемеру и лесничему и милиции
и просто кулаку и попу—поп-то
никуда не делся—в деревне сидит!
Вот этим-то самогоном мужика
в нужду и вгоняют.

А ты, будь добр и напиши другу
твоему крокодилу, кто у вас в Юзовке
такой самогонщик, что из рабочего
да мужичьего пота себе деньги выго-
няет, а мы здесь ему всадим хороше-
ные вилы в жирные бока!

Просим ответить тебя, как друга,
так и будь другом.

Рис. Д. М.

— Старуха я мирная, себя соблю-
дать умею, молочком торгую—словом,
святая... Одним только грешна: по вос-
кресеньям «Крокодил» читать люблю.

Коса на камень.

(Предостережение ворама всякого
сорта).

Ночь была... Сверкали звезды...
На дворе мороз трещал...
Шел по улице ворюшка,
Пистолет в руке держал.
—Что же,—говорит ворюшка
—Я давно уже здесь жеду...
Кто же пойдет теперь так поздно,
Дай-ка дальше я пройду.—
Шел дорогой той плутишка.
Вор плутишку увидал.
—Дай сниму с него пальтишко.
И тотчас наган достал.
Но плутишка хладнокровно:
—Эй, братишка, что с тобой.
Нужно, братец осторожней:
Тай, профессии одной.

Переделал из «Сиротки»
Ал. Зеленец.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

МОСКВА.

А. Соколову. „Белогвардейский
квартет“ звучит плохо. И устарел он
слишком. Ллойд-Джордж уже давно в
отставке.

Белову. Автор (не Малютин, а Ле-
бедев) дает разъяснения: в первой
части сказки мужик Иван еще в ве-
рующей и, только он верит не в по-
пов, а в бога. А во второй части бу-
дет показано, как он стал верить
только в себя и свой разум. Понятно?

Коле. Милый Коля! Напрасно ты
пишешь печальными буквами и сюсю-
каешь. Крокодил все равно не верит,
что ты ребенок. Дети—они умные.

Ал. Лелю. „Письмо Крокодилу“—
не пойдет. „Отца Сергия“ с большим
удовольствием прочел автор „Отца
Ивана“ С. Малашкин.

И. Приблудному. Писать
по одному
слову
в строке—
вовсе не значит писать хорошо.
Бросьте эту манеру. Построчных все
равно не получите.

Старому Грузчику. материал ис-
пользуем. Присылайте еще.
Андрюшке-Мушке. Пока не пой-
дет. Но есть данные. Пишите еще.

В. Гусеву. Тема о «чижике» уже
использована в „Крокодиле“.

Психу. Стихи хороши по теме, по
выполнению плохи. Попробуйте на-
писать то-же прозой.

В. Селезневу. Спасибо за „доне-
сение“.
К. Л. демон воспользуемся при
случае. Пишите еще.

ПРОВИНЦИЯ.

Симферополь, т. А. Кудусову. Кар-
тинка нарисована совсем плохо и
подпись не смешная.

Кострома, т. С. Дунаеву. Материалы
используем. Присылайте еще и пи-
шите фельетоны в прозе.

Опять Кострома, т. Нефедову. Пи-
шите прозой. Стихи неудачны. Факты
используем.

Гжатск, т. Калининко. „Лете-
дось бы быть постоянным сотрудни-
ком „Крокодила“, если смогу выпол-
нить всех обязательств. Но
постараюсь следующий раз из гжат-
ских трущоб“, пишет т. Калинин-
ко. Постарайтесь из гжатских тру-
щоб выполнить всех правил грамма-
тики. Для редакторов это обязательно.

Редактор—Редакц. Коллегия.
Издание „Рабочей Газеты“.

**МОСКВА, Охотный ряд, против Дома
Союзов.**

Библиотека „КРОКОДИЛА“.

Печатаются и скоро выйдут в свет:

- 1) **Демьян Бедный** — „Как 14-я дивизия в рай шла“.
Рисунки художника Д. МООРА.
- 2) **Демьян Бедный** — „Как «КРОКОДИЛ» к обедне ходил“.
Рисунки художника М. ЧЕРЕМНЫХ.
- 3) **„Лавочник-разлучник“** — Книга сатирических рассказов и стихотворений.
- 4) и 5) **Два художественно-сатирических альбома.**

С требованиями обращайтесь по адресу:

Москва, Охотный ряд, против Дома Союзов, Главная Контора „Крокодила“.

Не по зубам.

В Моссельпроме пирожки,
Булки, торт, печенье,
Сытный, сдобные «рожки» —
Прямо объеденье!
Эта чудная «еда»
Так и соблазняет:
«Ешь, купи!» Но вот беда:
Очень кусает.

В Гуме много разных рин,
Шуб, калош, ботинок,
Шоколаду и сардин —
Непочатый рынок!
Так и дразнят жадный глаз,
Так и соблазняют:
Но—увы!.. все не для нас,
Очень кусают!..

А в Рабкопе, там цена
Не такая злая,
Но там рыба лишь одна
Да и та гнилая.
И выходит: там нельзя —
Цены очень колки,
Здесь хотя и очень «лэзя»,
Да пустуют полки.

Степа Рижский.

Курицами не бросаться!

На станции Есино, Муромской
ж. д. живет замечательный человек—
начальник почтовой конторы, некто
Дежуров.

Он задерживает деньги от почто-
вых переводов и спекулирует на
эти деньги самогонкой.

Дела у него пошли так хорошо,
что потребовалось расширить пред-
приятие—и Дежуров заставил помо-
гать ему в этом деле, под угрозой
увольнения, почтальона и сторожика.

Прибыль распределялась так: по-
ловину брал Дежуров, а другую
половину — поровну — и почтальон
и сторожика.

Почтальон пробовал протестовать
против подобной эксплуатации, но
был за это переведен в другую кон-
тору.

Со сторожикой Дежуров тоже не
поладил. Однажды в пылу ссоры он
так сильно бросил ей в голову будто
бы украденной у него курицей,
что курица издохла!

Н. Н.

НЕ ЧУДО.

Вариант речи тов. Григорьева на XI
уездн. Съезде Советов Тимского уезда,
Курской губ.

Десятин шестьсот садов
Мы весной в аренду сдали;
От них тысяч сто пудов
Мы аренды ожидали!

* * *

Но природа, или спец
Нас, балуясь, подкузмили:
Вместо сотни — наконец
Нам тысячек пять всучили!

* * *

Ничего не говоря,
Мыслим кто то (к чему звуки?):
«Сам я слонид журавля,
Им отдал синицу в руки»

* * *

Знать уже жребий наш таков...
Хоть нет слова здесь о чуде!
Просто: гремят дураков
Оборотливые люди!..

Альмар.

КРОКОДИЛ

ПРИ СЕВЕРНОМ СИЯНИИ.

В декабре месяце прошлого года группа красных курсантов совершила экскурсию на крайний север. Местные жители, в первый раз увидевшие „диких“ людей, сначала разбежались в разные стороны, но потом все население с увлечением слушало концерт-митинг. (Из газет).

Рис. М. Чернышев.

М. Чернышев 23

Под бодрый звон оркестра явились самоеды, и олени, и пингвины, и медведи; при северном сиянии состоялся первый концерт-митинг на берегу Ледовитого океана...